

# ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Драгунский не дотянул два сантиметра. И все же командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев решил: коль со своим ростом первым шел в бой, пусть идет и на парад...

Сводный суворовский полк каждый день поднимали в четыре утра, и через полчаса он маршем шагал к месту репетиций, длившихся шесть часов. Попробуйте сейчас с оркестром в половине пятого утра пройти по Москве! А тогда народ от Суэцкого вала до площади Коммуны специально выходил смотреть, как идут суворовцы. Да и они точно так же смотрели на офицеров, на слушателей академии, с которыми предстояло вместе участвовать в параде. Особое внимание уделялось внешнему виду: начальник Главного санитарного

управления Красной Армии генерал-лейтенант Смирнов, который потом стал министром здравоохранения, самолично проверял, как у суворовцев подстрижены ногти на пальцах ног!

- Все мы перед этим участвовали в первом парадом 1945 года, - рассказывает Андрей Лавров, - первом после известного парада 7 ноября 1941 года. Поэтому каждый знал свое место, кто за кем пойдет. Наша «коробка» включала 22-мм артиллерийские системы и тягачи Я-12, на которых находился расчет. Мы стояли на улице Горького чуть выше магазина «Подарки», по-моему, с восьмью утра...

Все было расписано по секундам. Утром 24 июня сводный суворовский полк погрузили на «доджи-3/4» и высадили на

грязную тогда площадь у Балчуга. На Лобном месте был устроен фонтан Победы, воспитанников поставили к нему спиной, а слева располагался батальон трофейных знамен.

- Мы видели, как Жуков выезжал на белом коне, что называется, «вбивая гвозди», как Рокоссовский сливался со своим вороним, причем его конь был еще и крупнее... - вспоминает Михаил Тупицын. - С Москвы-реки дул сильный ветер, летели брызги от фонтана, - вымокли насковозь, но мужественно стояли.

- Когда пошли, - перебивает Андрей Лавров, - было ощущение огромного душевного подъема. Так всегда бывает на парадах. В общем, настроение боевое... Любопытно, что трофейные знамена бросали не «к стенам древнего Кремля», как сейчас

принято говорить, а на специальный деревянный настил перед правой трибуной, где стояли военачальники. А потом, когда выезжали на Крымскую площадь, женщины кидали нам кто самодельные пышки, кто леденцы в кулечке. Так это было трогательно - ведь от себя отрывали!

Прошли годы, десятилетия. Но каждый год участники того знаменательного парада встречаются в этот день у Могилы Неизвестного Солдата. Увы, с каждым годом их все меньше, но тот, кому безразлична наша история, пусть придет в Александровский сад и убедится, как они молоды. И как блестят глаза у наших ветеранов, когда они вспоминают тот пасмурный день - 24 июня 1945 года!

**Владимир ПОТРЕСОВ**

...Платформа Фирсановка, следующая станция Крюково - раздается из динамика электрички. Засаею время: от моего родного поселка Фирсановка (тогда он назывался Джунково) до Крюкова ровно три минуты езды, 6 километров, а от Крюкова до Москвы - всего 40. Тут шли, как сообщал Левитан из черной тарелки на стене, ожесточенные кровопролитные бои наших войск с фашистами, решалась судьба Москвы и всей нашей страны. Радиостанции Берлина сообщили в те часы, что непобедимая немецкая армия уже вошла в столицу СССР. Мне было всего два года, я, естественно, не помню тех тревожных дней, но война, которая была совсем рядышком, дышала в лицо огнем и пороховым дымом.

## В ТРЕХ МИНУТАХ ОТ ВОЙНЫ

**МЫ С ПАШУХОЙ ПОШЛИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ (ИЗ РАССКАЗА ОТЦА)**

- Как и где узнал о начале войны? А в лесу, за деревней Черная Грязь, где с Пашухой, мужем материнской родной сестры Дуняхи, заготавливали дрова на зиму. Подходит к нам лесник и спрашивает:

- Да вы чего? - Как это - чего! - отвечаем. - Видишь, дрова пилим... - Бросайте, мужики, пилы и топоры - немец на нас напал, война началась - тут не дрова заготавливать надо...

Собрали мы с Пашухой свой скарб, зашли в чайную на Черной Грязи, где мужики вовсю уже судачили о войне, махнули по чарке-другой и на следующий день пошли в военкомат записываться добровольцами. И он и я прошли гражданскую, так что уже понимали, что к чему. Выдали мне солдатское обмундирование: шинельку, ботинки на толстой подошве, обмотки. Забежал домой, попрощался с детскими, матерью - и на фронт, под Ржев.

В боях под Ржевом пехотный полк, в котором мы, красноармейцы, вооруженные только винтовками старого образца, загнули в какую-то лошину, и немцы накрыли его с высоток минометным огнем. От полка единицы остались, мне осколками мин почти перерубило спину, чудом не задело позвоночник. Помню, хирург, который оперировал меня, сказал:

- Тебе, браток, еще повезло. Кости есть, а мясо нарастет.

Ну а потом повалился по госпиталю. Да, сын, победа нам досталась огромной кровью. Пройди по нашему поселку Джунково: через дом - солдат погиб или пропал без вести... Если бы сибиряки не подоспели, не знаю, что и было бы с Москвой...

**ЭВАКУАЦИЯ (ИЗ РАССКАЗА МАТЕРИ)**

- Со стороны Крюкова - грохот, небо по ночам - зарево. Собрала вас в землянку, что вырыла возле дома, и не знаю, что делать. Хорошо, приехала Надя, тетка твоя, из Москвы и говорит:

- Собирай скорей ребятишек, бросай все, катим ко мне в Москву, немец вот-вот будет в поселке. Побежали на станцию Фирсановка, а там платформа забита женщинами с детьми и узлами, крики, рев - не передашь словами. Из Крюкова на Москву шел последний пассажирский поезд. Еле в него втиснулись.

- Ма, ты действительно верила, что немцы не возьмут Москву?

- Верила, сынок, потому что верить уж было просто не во что. Может, наша вера и помогла-то

одолеть извергов в последнем бою под Крюковым... Погнали их в шею подальше от нашего поселка и Москвы. Тут я вас собрала всех в охалку и скорее домой, в Джунково: ведь вся душа изболелась за дом. С меня же отец спросит, когда вернется.

Привезла она нас домой, а кормить-то нечем. Соседка Наташа надоумила поехать с ней под Рязань, где кое-что из барахла можно было поменять на пшеницу и соль. Тем и отца выхостили, когда вернулся из госпиталя.

**ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ (ИЗ СОБСТВЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)**

Подбегает наш мальчишеский предводитель Серега по кличке Зальд (за то, что носил серо-зеленый, до пят, немецкий китель, привезенный отцом с фронта) к окну и орет:

- Рыжий, айда скорей на Санаторку, туда пленных немцев пригнали!

На горе через речку Сходня был санаторий имени Артема Сергеева, который до сих пор действует, и всю ту округу мы с пацанами звали Санаторкой. Серега-Зальд первым разведдал, что туда пригнали пленных немцев - строить дорогу от санатория до Ленинградского шоссе. Наш «командарм» уже разработал операцию под кодовым названием «Гадды» - по отмщению за погибших и искалеченных отцов. А все мы вооружены до зубов. Из дерева выстругали пистолеты, автоматы, штыки, гранаты. Вперед!

Преодолев вброд речку и на всякий случай набив карманы штанов галечником, ползем попластунами за «командармом» по кустам к Санаторке. Зальд делает знак рукой: стоп, немцы уже рядом. Он берет в одну руку пистолет, в другую гранату - это знак к атаке. «Командарм» поднимается во весь рост и, заорав «у-р-р-а-а! Тра-та-та-та!», бросается на немцев. Мы с таким же криком - за ним. «Враги», застигнутые врасплох, поднимают руки и сдаются «в плен». «Командарм» дает команду «отбой», а пленные сдают трофеи: высокий тощий немец протягивает губную гармошку, другой вскрывает ножичком какие-то банки и говорит, смеясь:

- Гут, карашо! Мы улетаем за обе щеки вкусную гречневую кашу с тушеной, подаренную «гадами», а наш «командарм» на губной гармошке играет победный гимн. Пленные немцы смеются, тербят наши волосы. Потом мы каждый день прибегаем к своим вечерашним врагам, приносим им со своих огородов огурцы, морковь, яблоки...

**Николай АНДРЕЕВ**

## СТРАНЕ - СЫНЫ, ГЕРОЯМ - ВНУКИ

Они всегда называли себя кадетами. Слово «суворовец» использовалось лишь при официальном обращении. Образованные в годы Великой Отечественной войны суворовские училища приютили главным образом детей погибших фронтовиков. Это были счастливицы, единицы на фоне многомиллионной безотцовщины.

Сейчас страна вновь прониклась проблемой сиротства. В то же время в общественных умонастроениях произошел качественный сдвиг. Все вдруг поняли, что защита Отечества как требовала, так и требует здоровой и сильной молодой поросли. Что народу нужна современная армия, которой командовала бы все та же офицерская элита, воспитанная в особой среде и впитавшая лучшие ратные традиции всех времен. И вновь всерьез заговорили о суворовских училищах, о кадетских корпусах. Вспомнил отечественную историю, вновь открыли для себя, сколько блистательных умов, сколько неистовых служителей на разных нивах государства произросли в кадетских корпусах России. Державин, Кутузов, Ушаков, Нахимов, Тютчев, Римский-Корсаков, Верещагин, Рахманинов, Достоевский, Куприн - это лишь некоторые из гигантов с мировой славой, которые своей принадлежностью к кадетскому братству служат прекрасным доказательством состоявшегося воплощения в жизнь идеи Екатерины Великой - «завести новую породу людей» для управления государством.

В строй 11 тысяч выпускников Московского суворовского училища в эти дни встали еще 209 парней - молодых, образованных, надежных. А в год 60-летия Победы этому училищу тоже будет шестьдесят.

**Вадим МАРКУШИН**



ФОТО ИГОРЯ КОЗЛОВА

О том, что началась война, Иван Никишкин узнал утром 22 июня, когда с друзьями отправился в Кинотеатр повторного фильма... И сразу же наступили суровые дни: с раннего утра на заводе, а вечером - дежурство в дружинной обороне.

## ПЕРВЫМ ДЕЛОМ - САМОЛЕТЫ...

Тогда, в далеком 41-м, Никишкин попросил перевести его на завод имени Горбунова, где только налаживали выпуск фронтовых бомбардировщиков ПЕ-2. Попал он в бригаду по сборке бензобаков, к мастеру Волошину, где еще трудились две девушки, эвакуированные из Ленинграда.

На митинге, посвященном выпуску их первенца, после выступления директора завода и представителя КБ рабочие бережно выкатили машину на летное поле. Двигатели набрали обороты, летчик-испытатель Николай Костерин отпустил тормоза, и «пешка», как нежно называли самолет его создатели, пошла на взлет.

Сперва собирали один самолет в сутки, потом увеличили вы-

пуск до 5 - 6 машин. Несмотря на суровость первой военной зимы, нехватку питания и одежды, вера в победу окрыляла людей. Однажды бригада Никишкина, применив ряд новаторских приемов и работая одновременно на двух участках, сумела выполнить за смену пять норм! Многие бригады поддержали инициативу Никишкина, и вскоре после битвы под Сталинградом авиационному заводу вручено было Красное знамя ГКО за освоение серийного производства самолетов.

Летчики-фронтовики, которые приезжали в Казань за очередной партией самолетов, хорошо отзывались о качестве «пешки». К 1944 году на завод пришло молодое пополнение, и

Никишкину разрешили вернуться в Москву, на родной завод, где уже в следующем, победном году приступили к созданию первого реактивного самолета.

Тогда-то нам и довелось бок о бок работать с кавалером многих трудовых наград, слесарем Иваном Никишкиным. Находясь уже на пенсии, ветеран не раставался с заводом, передавал свой производственный опыт. И как слушали его молодые рабочие, когда он рассказывал им о первых собранных в войну самолетах, о том, как в далеком тылу они приближали Победу!

**Владислав ТРИФОНОВ,**  
инженер авиационного полка